Двадцать два года до сегодня

М. Степной

М. Степной
Двадцать два года до сегодня

https://litres.ru/74880837
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда тебе выпадает второй шанс, за него всегда приходит счет к оплате.

Игорь Мартинцов думал, что сошел с ума, когда после аварии на МКАД открыл глаза в 2004 году. Молодое тело, старая панелька, невеста-студентка . Он решил, что это рай, ад или кома.

Он знает, что его настоящая жизнь — это другая из 2026 года, которая сейчас, возможно, получает звонок о его гибели на МКАД.

Это не история о машине времени. Это история о человеке, который стал вирусом в собственном прошлом, и о цене, которую взимает судьба за попытку исправить чертежи своей души.

М. Степной
Двадцать два года до сегодня

Предисловие

Если однажды утром вы проснётесь в собственном теле на двадцать лет моложе, мир решит, что вы сошли с ума. С этим согласятся консилиумы лучших психиатров, это впишут в учебники по клинической психиатрии как казус, как невозможную, вывернутую наизнанку форму бреда. Если бы мне сказали такое, вчера я бы первый покрутил пальцем у виска.

Меня зовут Игорь Михайлович Мартинцов. Я впервые вдохнул этот московский воздух Лефортовского родильного дома в восемьдесят третьем, а выдохнул его в последний раз — в марте две тысячи двадцать шестого.

Я не умер. Моё сердце бьётся ровно, в висках нет ни капли той старческой тяжести, а на костяшках пальцев нет артритных узлов. Но календарь на экране непривычно маленького телефона упрямо твердит: суббота, шестое марта две тысячи четвёртого года.

Мне снова немного за двадцать. И гладкая кожа на ладонях до сих пор помнит тяжесть и мозоли кожи сорокатрёхлетнего.

Глава 1. «Когда время треснуло»

Это случилось обычным, ничем не примечательным мартовским вечером, когда город будто устал притворяться величественным и показал свою будничную, серую изнанку. Люди спешили по своим делам, сбиваясь в плотные, нервные скопления у входа в метро: кто-то опаздывал, кто-то просто хотел скорее укрыться от промозглой сырости. На шоссе дорожные рабочие, перекрыв правую полосу, пытались залатать промоины от растаявшего снега и асфальта — и тем самым лишь плодили новую, вязкую пробку, в которой застыли сотни машин, будто в ловушке из металла и стекла.

Как и миллионы москвичей и гостей столицы, я стоял в ней послушно, почти смиренно, пытаясь доехать до дома в Подмосковье, где меня уже ждал тёплый ужин и любящая жена Алина, с которой мы двадцать лет жили в мире и согласии. В этом ритме обыденности было что-то успокаивающее: каждый вечер повторялся, как старая, но любимая мелодия.

«Затруднено движение от улицы Академика Скрябина в сторону МКАД из-за дорожно-транспортного происшествия…» — монотонный голос ведущего на радио будто специально тянул слова, подчёркивая, что мир продолжает жить своей размеренной, равнодушной жизнью.

Я листал ленту новостей в телефоне, скользя взглядом по заголовкам, которые уже не цепляли. И именно в этот момент, когда сознание привычно отключилось от реальности, краем глаза я уловил движение — неестественно резкое, чу-

жое. Синяя «Газель», слетевшая через отбойник со съезда МКАД, летела ко мне, будто вырвавшись из какой-то другой, более жестокой версии этого вечера.

Резкий боковой удар. Скрежет тормозов, похожий на вопль металла, ударил по нервам. Запах крови и горячего железа ворвался в салон, оседая в горле едким привкусом паники. Исковерканный металл сжимал моё тело, выдавливая воздух, стирая границы между мной и машиной, между жизнью и чем-то, что стремительно становилось прошлым. Нечем было дышать. Мир сузился до одной точки боли.

Темнота…

А следом — ослепительная белизна. Свет не просто проникал сквозь закрытые веки — он выжигал сетчатку, заполняя собой всё: кабину машины, пробку, само пространство, будто реальность на мгновение стёрлась, растворилась в этом ярком, беззвучном сиянии. Я перестал чувствовать руки на руле. Пропал запах озона и кожаного салона. Пропал гул чужих двигателей. Осталась только эта неестественная, звенящая тишина.

Я пытался крикнуть от боли, которая пронизывала каждый миллиметр моего тела, но голоса не было — будто звук тоже исчез вместе с привычной реальностью.

«Живой…» — вдалеке послышались голоса, приглушённые, словно доносившиеся сквозь толщу воды.

Я снова попытался разлепить веки. Свет больше не выжигал сетчатку — напротив, он оказался до обидного тусклым,

пыльным, желтоватым, сочащимся сквозь лобовое стекло. Никакой ослепительной белизны. Только боль — острая, настоящая, заземляющая.

Послышались сирены карет скорой помощи и спасателей — они звучали как обещание, как далёкий, но такой нужный сигнал, что всё ещё можно исправить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.